

УДК 261.6; 261.7

КЛЕРИКАЛИЗМ И АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П. А. Прокопьева, студентка гр. И-159, III курс,
Научный руководитель: Гаврилов О. Ф., к.ф.н., доцент
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово

Сформулированная просветителями XVIII века модель светского общества продолжает сохранять свою привлекательность, но вот ожидания, что в скором времени в силу разных обстоятельств религия как социальное явление канет в лету, оказались преждевременными. Она не только не собирается сходить с авансцены исторических событий, но и продолжает оказывать на них заметное влияние, причем, нередко заявляя свои права на исключительное место в структуре общественной жизни. Особенно это заметно на примере Российской Федерации. Уже на протяжении нескольких десятилетий постсоветской истории взаимодействие церкви и общества, церкви и государства продолжает носить противоречивый характер, постоянно привлекая к себе пристальное внимание значительной части населения страны. Сложность названных связей особенно выразительно проявляется в столкновении двух встречных процессов: клерикализации современного российского общества и встречной тенденции – антиклерикализации. Проблема состоит в неоднозначности этих процессов с точки зрения правоприменения, с точки зрения воздействия на духовную жизнь общества. Мы видим свою задачу в том, чтобы выявить основания амбивалентности оценки данных процессов.

Утверждение, согласно которому в нашем обществе получает распространение рост влияния религиозных институтов, не лишено смысла. В наибольшей степени это касается деятельности Русской православной церкви Московского патриархата. Есть мнение, что в лице своих представителей она нередко претендует на роль государственной религии. Ее публичные обращения активно проникают в социальное пространство и затрагивают проблемы морали, сферы искусства, образования и пр.

Сегодня антиклерикализм проявляется в несогласии определенной части общества с претензиями церкви на то, чтобы обладать привилегированным статусом. «Формирование «антиклерикального» фронта следует расценивать как реакцию части населения на вторжение многочисленных религиозных образований в светскую сферу жизни общества. Эта реакция имеет как действительно-практические формы выражения, так и рефлексивную репрезентацию в виде научно-философских и даже богословско-теологических обобщений. Антиклерикализм совсем не обязательно предполагает атеизм или религиозный агностицизм» [2, С. 199-200]. Причем, этот протест может быть

спонтанным или носить организованный характер. Так, 24 июля 2007 года академиками РАН было составлено письмо, адресованное Президенту РФ В. В. Путину, в котором ученые высказали свою обеспокоенность по поводу «все возрастающей клерикализации российского общества ... и активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни» [5]. Люди, выступающие против претензий церковных иерархов, убеждены в том, что религия должна стать сферой частной жизни, областью проявления сугубо личностных чувств [1].

Представители данной позиции в качестве одного из аргументов в ее защиту называют факт нарушения норм права РФ. По их мнению, принцип отделения церкви от государства не выполняется, влияние религиозных групп на различные сферы общественной и политической жизни растет, хотя Конституция нашей страны устанавливает, что Российская Федерация является светским государством. Это означает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [3]. Конституция (ст. 28) гарантирует «свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» подтверждает «равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений».

Признавая необходимость светского характера российского общества, и стремясь к устранению обстоятельств, препятствующих его упрочению, тем не менее, следует иметь в виду следующее обстоятельство. Не существует в мире единого стандарта решения вопроса о взаимоотношениях государства и церкви, точнее, государства и различных конфессий. Даже в развитых европейских странах некоторые конфессии по сравнению с остальными обладают преимуществами. Так, в большинстве европейских стран сохраняется государственная религия, достаточно продолжительное время действует система конкордатов, то есть двусторонних отношений с католической церковью и государством.

Типичен пример Италии. В период с 1929 по 1976 год католицизм официально считался в ней государственной религией. В настоящее время церковь официально отделена от государства и регулирует свои отношения со светской властью при помощи специальных соглашений и законов, в частности, такого как Новый конкордат от 1984-го года. Конституция Италии делит все религии на две категории – католическая, с которой государство заключает конкордат, и некатолические религии. Мотивация расширенного сотрудничества государства именно с католической церковью содержится в статье 9 конкордата: «Итальянская республика признает ценность религиозной культуры и учитывает, что принципы католицизма являются историческим наследием итальянского народа». Государство следит за деятельностью церкви и

пресекает попытки ее вмешательства в общественную и политическую жизнь страны. Правоприменительная практика в Российской Федерации также исходит из признания особенного статуса таких традиционных для истории страны религий как православие, ислам, буддизм и иудаизм. Видимо, это – справедливо.

Тесное взаимодействие государства и церкви носит взаимовыгодный характер. Опора РПЦ на государство, которая, кстати, имеет глубокие исторические традиции, добавляет ей дефицитные ресурсы, необходимые в материальном, организационном и информационном продвижении своего социального влияния. Выгода политиков в результате образовавшегося тандема очевидна. Церковь, будучи причастной к структурированию базовых ценностей и практик верующих людей, становится эффективным инструментом трансляции властного дискурса. Выступая в качестве средства медиации государства и населения, православие играет роль контролера целостности общества и всеобщности коммуникации в системе «власть-население». Но для того чтобы контроль был эффективным, сам контролирующий агент должен быть полностью легитимным в глазах контролируемых. В ином случае контроль будет восприниматься как насилие, вызывая ответную реакцию. Поэтому взаимные жесты почтения, которыми обмениваются чиновники и представители РПЦ, многими воспринимаются негативно.

Неоднозначное отношение к позиции церкви просматривается и в оценке ее претензий на особую роль по сохранению и упрочению морального здоровья страны. Далеко не все готовы рассматривать религию как источник морали и гарант ее универсальности. Формулируются упреки, что в настоящее время религиозные организации все активнее, но безосновательно продвигаются на должность «следающих за нравственностью». Получает распространение мнение, что между нравственностью и религиозностью значительной, а тем более – прямой зависимости не существует.

Но вопрос этот не столь прост. Дело в том, что верующий человек в обосновании морали апеллирует к высшему трансперсональному началу, как выражению морального Абсолюта. Атеист-антиклерикал наличие этого безусловного начала отрицает, но тем самым ставит себя в довольно уязвимую позицию, так ярко выраженную Ф. М. Достоевским: «Если Бога нет, то все позволено?». По мнению С. Л. Худиева, «атеист, с одной стороны, отрицающий реальность объективного надчеловеческого добра, с другой, порицающий своих оппонентов как людей нравственно порочных и требующий введения каких-то законов как справедливых, противоречит сам себе. В его мироздании не существует никакой нравственной праведности или порочности, справедливости или несправедливости – существуют только правила, установленные теми или другими группами людей, причем сам вопрос о том, какие правила «лучше», просто бессмыслен – не существует никакого объективного критерия «лучше», с которым мы могли бы их соотносить» [8]. Эта позиция не лишена оснований, которые, кстати, вполне осознаются некоторыми представителями «антиклерикального» фронта. В частности Х. Кокс

совершенно ясно говорит о том, что процесс секуляризации неизбежно ведет к возрастанию релятивизма, что «исторический релятивизм есть конечный результат секуляризации» и одновременно причина «этического анархизма и метафизического нигилизма» [4, С. 48 – 49]. Так что зависимость морального здоровья общества от влияния религиозной культуры, видимо, полностью отрицать не следует.

В обществе широко обсуждается вопрос о влиянии церкви на систему образования. Своих намерений представители духовенства не скрывают. Так, в 2006 году епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан в своем докладе «Образование и православная культура» писал, что начиная с младенчества ребенок учится мотивировать свое поведение христианской верой. По его словам, «эту задачу можно осуществить через государственную политику». [6]. В этом отрывке обращает на себя внимание заявка на административный ресурс и мотивация поведения ребенка только христианской идеологией, в то время как в образовательных учреждениях обучаются дети разных конфессий. Не случайно В.В. Путин, выступая 13 сентября 2007 года на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики заявил, что введение религиозных предметов в школьную программу как обязательных противоречит Конституции РФ и, что следует воспитывать детей в духе наших четырех религий [7]. Со словами президента нельзя не согласиться, необходимо дать ребенку лично или в лице его родителей выбор, что в принципе обеспечено нормой права. Речь идет о Приказе Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 декабря 2012 г. № 1060, который регламентирует введение в качестве федерального компонента школьной программы нового учебного предмета – Основы религиозных культур и светской этики и предполагает изучение по выбору родителей (законных представителей) одного из шести модулей: основ православной, иудейской, буддийской, исламской культуры, основы мировых религиозных культур или основы светской этики. Как показывает название двух последних модулей, выбор отнюдь не обязательно должен быть обусловлен конфессиональными предпочтениями обучающегося или представителей образовательного учреждения. Он предполагает возможность выбора предмета вообще не связанного с изложением содержания какой-либо религии – «Основы светской этики» или предмета, который должен познакомить учащихся с содержанием нескольких религиозных традиций, составляющих основы общемировой культуры.

Но, пожалуй, наиболее резонансными событиями в столкновении представителей клерикальной и антиклерикальной позиций богата сфера культуры. Здесь с одной стороны приходят на ум многочисленные акции по ограничению художественного творчества в тех случаях, когда его продукты могут оскорбить чувства верующих, а с другой – те объективации «высокого искусства», которые иначе как сознательное и агрессивное кощунство рассматривать нельзя. На наш взгляд, апелляции той и другой стороны к нормам права в этом случае малоэффективны, хотя бы потому, что такие объекты как

«творчество», «произведение искусства», «оскорбление чувств» и пр. процедуре формализации в рамках правотворчества и интерпретации законов плохо поддаются. Задача состоит в том, чтобы терпеливо, постепенно формировать культуру общения, в которой свобода личностного выражения, в форме ли религиозной веры или художественного воплощения, не будет ранить тех, кто придерживается иной точки зрения.

Таким образом, общественная жизнь в современной России характеризуется таким ярким явлением как борьба клерикальных и антиклерикальных сил. Каждая из этих сторон исходит из своей логики, охраняет и продвигает собственные ценности, по-своему видит перспективы дальнейшего развития страны. Решение этой дилеммы не может быть осуществлено за счет подавления одной из точек зрения. Необходимо работать над созданием таких условий, которые смогут обеспечить диалог между представителями различных мировоззренческих представлений с целью выработки взаимоприемлемых норм коммуникации.

Список литературы:

1. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://goo.gl/Zg7J2v> (дата обращения 18.01.2018).
2. Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Особенности религиозной коммуникации в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61), Т. 2. 198-202 с. (С. 199-200).
3. Конституция РФ. КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3655bfcee47bf17d80f9ddb47d99b3ab4139fde/ (дата обращения 22.02.2018).
4. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. 263 с.
5. Открытое письмо десяти академиков РАН президенту Российской Федерации В.В. Путину. Клуб скептиков [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> (дата обращения 24.01.2018).
6. Образование и православная культура. Доклад епископа Ставропольского и Владикавказский Феофана. Православие.ру [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/445.html> (дата обращения 15.01.2018).
7. Стенографический отчет заседания Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 13 сентября 2007 года. Белгород: Белгородский государственный университет [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24536>.
8. Худиев С. Л. Великий сциентистский миф // Православие и мир. 29 июня 2010. // Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/velikij-scientistskij-mif/> (дата обращения: 19.01.2018).